(№31) 09.03 (сент.)

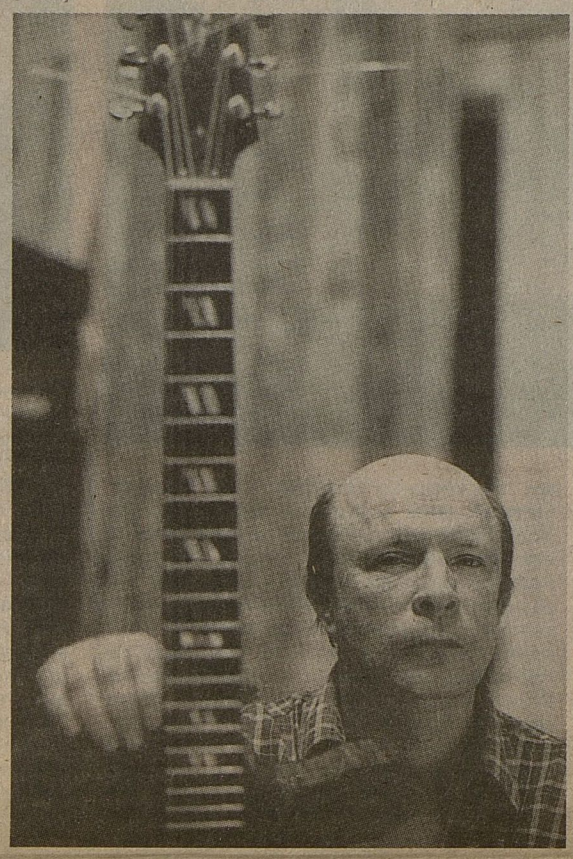
Гитара и немного нежно

Пожалуй, впервые в жизни пришлось пожалеть, что "ЭС" – газета, а не, скажем, телевизионная программа. Что нельзя показать на страницах то, о чем рассказать совершенно невозможно. Речь о мастерской, где создаются музыкальные инструменты, – здесь даже фотографии не помогут, так малы и хрупки с виду многие инструменты.

Вячеслав Латышев – обладатель профессии настолько редкой, что хочется узнать у него обо всем, поскольку неизвестно ничего. Увы, это невозможно. Ей богу, тут не расскажешь, порой даже не покажешь, а часто и не объяснишь. Таинственное дело. На столе разобранная старая виолончель – ее нужно реставрировать. Под потолком – большая новенькая гитара, акустический бас. Такие вообще мало кто делает. Долбленые деки, толщины, душки – суть странные слова, неясные, пока в руки тебе не дают эту самую деку. Пощупать. Отделаться от ощущения крайней романтичности этой профессии совершенно невозможно, как бы ни старались сами мастера. Мол, ремесло это. Кому как!

Профессия мастера музыкальных инструментов переживает тяжелые времена. Если раньше хорошая гитара была дефицитом, то теперь это скорее раритет. Недавно в "Ассоциации музыкальных мастеров на Плющихе" сгорел склад готовых инструментов. Беду пережили, кое-что спасли. Мужественные люди сидят в своих крошечных тесных мастерских и по-прежнему делают музыку. Не жалуются.

Вячеслав Латышев помогал театральному режиссеру Николаю Рощину создавать те странные инструменты, что играют в спектакле "Школа шутов" и которые не брался делать никто другой. Латышев влюблен в свои акустические бас гитары. Он занятой человек. Занятой творчеством и ремеслом. Всем сразу.



– Сколько времени может уйти на один инструмент, если ничто не мешает?

– Для простого человека скрипичное дело, да и вообще музыкальное – область не то что недосягаемая, а какая-то мистическая. А вообще это просто работа. Есть категория граждан, которые сидят на дому и делают один инструмент в год, а я сейчас вспоминаю, что в 89-м году, работая здесь, мы должны были делать 12 инструментов в год. То есть каждый месяц по инструменту. Ума не приложу, как я это делал! Сейчас я бы не взялся точно назвать время. Из-за того, что операции не похожи друг на друга, у каждого мастера есть одна, доводящая его до дрожи. Главное – преодолеть это дело, и тогда можно говорить о доле профессионализма. Ты знаешь, когда начнешь инструмент, и если тебе ничто не помешает, ты знаешь примерно, когда его закончишь.

– Не представляю, каким объемом знаний и умений нужно обладать, чтобы создавать инструменты. Откуда берутся эти знания?

– Во-первых, есть литература. В основном, старинная – очень много мастеров, чаще скрипичных, фиксировали свои пожелания или наблюдения. Были люди, допущенные до госколлекции, – они тоже могли описывать инструменты. Вообще, даже если ты придешь сюда и очень захочешь, то за полгода сделаешь гитару.

– И что, моя гитара будет похожа на настоящую гитару?

– Первая моя гитара ушла, кажется, в Израиль. Считаю, что это диверсия с моей стороны. Я пришел в мастерские из театра – и сразу попал в доблестный гусельный цех. Сделал двое гуслей, перевелся в другой цех и меня стали учить. А учение состоит из кучи операций. Тебе даже голову не морочат, а просто говорят: вот тебе доска, отпили от нее столько-то. Теперь строгай. Теперь склей. И ты просто берешь, и делаешь.

– Кто ваши самые злостные конкуренты?

– Большое население страны Китай, работающее теперь на большое население страны Россия.

– То есть поучиться музыке теперь можно и на хромой китайской скрипочке, а потом уже искать что-то лучшее?

– Она не хромая, она тоже из дерева и сделана где-то даже изящнее наших. Но за державу обидно. Как правило, к нам приходит какая-нибудь запоротая партия, не прошедшая китайских ОТК, по три юаня за скрипку. Пульмановским составом – я не говорю вагоном. Ну, богатая мы страна, пускай на нас работают китайцы. Мы пока проигрываем им и в серии, и в цене. Вот представь – скрипка, которая не звучит, и маленький ребенок лет четырех. Его бьют палкой, чтобы он играл, а он просто не может – не ловит кайф от звука. Скрипка не играет. Неразбериха.

– Кто тогда потребители?

– Музыканты.

– Много их?

– Я еще не всех отоварил. Я-то еще в лучшем положении – занимаюсь еще и скрипичным творчеством, реставрацией. Дед моей жены, Борис Николаевич Хлебников, был скрипичным мастером – с чего все и началось. Я работал в театре, а он ходил за мной и говорил: давай сделаем скрипку. Если я тебе скажу: Даша, давай сделаем скрипку, что ты мне ответишь? По профессии я был кем-то вроде техника-телефониста. И когда я понял, что из театра пора уходить, то сказал: ладно, давай сделаем. Грубо говоря, я сидел дома и по два-три часа в день мастерил какие-то запчасти. А когда уехал на дачу с ребенком и женой, дед это все собрал, продал и дал мне такие деньги, что я просто упал в обморок. Потом он умер, но я все-таки успел показать ему свою первую гитару. Доходило до того, что я смотрел на инструмент и понятия не имел, откуда что берется! Например, для чего нужна вот эта металлическая штука. А вот зачем: внутри каждого скрипичного инструмента стоит такая вот деревянная палочка – она называется "душка".

– Через букву "ш" или "ж"?

– Через "душу", это душа инструмента. Тогда я уже что-то умел и подойти к кому-то, спросить, как ее засунуть внутрь инструмента, было неловко. Потом я увидел, что в душке есть маленький разрез, и сообразил, как ее можно подцепить той вон красивой железкой и провести операцию. Душка несет какие-то акустические особенности инструмента, о ней написаны целые книги.

Вообще, придя сюда, я думал, что здесь собрались избранные люди. Оказалось, что они избраны только по роду профессии. А на самом деле, все зависит от твоих рук и ремесла. Каждая операция имеет свое начало и конец. Плохо ее делать нельзя. Мы пытались считать, за какое время можно сделать гитару – за семнадцать дней. А не получается. Например, лакировка – буржуи давно уже перешли на синтетику, а мы ведь остались чуть не единственными, кто еще знает старые технологии. На это уходит время.

– У вашей профессии есть название?

– Раньше она называлась "сборщик-монтажник музыкальных инструментов четвертого разряда".

– Существует ли в профессии что-то, что вообще неизвестно и непонятно? И не возникает ли ощущения паники прежде, чем начинать делать инструмент – а вдруг не зазвучит?

– Если начинаешь делать что-то новое – как тот акустический бас, который ты видела в мастерской, – ты постоянно, шаг за шагом, обнаруживаешь, что мог бы сесть в лужу, если бы пошел по другому пути. А когда дело касается инструмента уже пройденного – там легче. Иногда ты относишься ко всему, как к ремеслу, а иногда думаешь: вот ты берешь, по сути дела, волосатую доску. Из-под пилы она пролежала у тебя лет пятнадцать. И думаешь: вот из этой доски я сделаю... Буратино. Коридор, где мы шли, почти весь принадлежит классическим гитаристам. Представь, если из этого коридора выходят сразу пятнадцать классических гитар! Они ведь должны еще кому-то продаваться.

– Так оно и получается?

– Как правило, ничто не задерживается. Но кажется, мне сейчас нужно подумать о своей нише – о джазовых инструментах. Развиваться дальше. Изобретать.

– Здесь возможны изобретения?

– Современная техника дошла до того, что в кусок дерева суют кусок электроники и это уже является музыкальным инструментом. Это они так называют. А мы – инструментом для воспроизведения звука. Это разные вещи. Потому что акустика осталась акустикой, там нужно еще головой работать.

– Не знаю даже, как толком задать вопрос. Здесь ведь, кроме слесарных навыков, нужно еще что-то...

– Я не знаю, как это делается. Идет какая-то работа, вымеряются толщины, потом вдруг внутренний голос говорит тебе: все!

– Да ладно!

– Серьезно. Даже не внутренний голос, а чувство законченности. Скрипки ведь вообще можно строить – бревно, по которому ты стучишь, издает ноту, и ее можно подобрать на рояле в одной из октав. И чем больше ты это дерево "выгрызаешь", чем тоньше его делаешь, тем больше появляется низкой частоты. И потом нужно знать какие-то свои, личные установленные законы – я их называю законами консонансов. Не было случая, чтобы я запорол хоть одну деку.

У нас развито уникальное чувство интуиции – почти собачье. Есть человеческая данность. Я видел людей, проработавших 10-15 лет, но звук им был просто не дан. А есть пьяный и немытый мастер, делающий балалаечный бас, такую гигантскую балалайку – и звучит!

Тема загадочная – ее толком никто не описывал. Нет никаких сценариев, когда дело касается мастеровщины. "Юный Страдивари мешает что-то в котле. Что ты варишь, сынок? Лак". На самом деле лак брался у аптекаря, причем можно было заказать цвет. Было только два растворителя – скипидар и спирт. Еще масло как таковое. Больше ничего еще не изобрели.

– Технология сильно изменилась за триста лет?

– Да, выведены новые формулы – более мобильные. Древние скрипки, чувствую, крыли месяцами. Колонковыми кистями, какие делают маленькие девочки в Голландии. Сначала тончайшим слоем. День просушки. Четырнадцать дней просушки. Появляется тон. На восемнадцатый день мастер достает толченый туф с Везувия – из застывшей лавы. Снимает с жены маркизетовый чулок, насыпает туда туф, бьет по изделию, летит пыль. Он капает конопляное масло на тряпочку и начинает тереть. И дальше, дальше.

– Есть сейчас люди, способные научить кого-то? И есть ли те, кто хочет учиться этому ремеслу?

– На данном этапе, со своими джазовыми гитарами, я бы даже расширился. Взял бы двух пацанов, выучил бы их. Что-то должно произойти в ближайший год – буду об этом думать. Есть инструменты, какие грешно не делать. Как мои джазовые гитары – они очень мудрые и отзывчивые. Эти гитары конкурировали с дудками в первых джаз-бэндах, когда не было никакой электроники.

– У меня нет ни одного другого знакомого человека, кто бы делал музыкальные инструменты.

– Да, мы – редкость.

– Более того, я не знаю никого, кто бы собирался этим заниматься.

– Очень много непрофессионалов делают инструменты. Существует желание, а куда идти – неизвестно. Буквально вчера я узнал, что есть педагоги в музыкальных школах, которые вообще не знают, куда идти за профессиональными гитарами. А так – часто сыновья начинают работать с отцами, иногда – супружеские пары. Но сначала дети почему-то проходят свой собственный путь, а в зрелом возрасте приходят сюда. Хотя на данном этапе я бы не хотел, чтобы мои сыновья сюда пришли.

– Откуда тогда у младшего сына Темы свой набор рубаночков?

– Ну... думаю, ему просто было интересно. Может, что-то и произойдет. Может, когда-то это станет его делом.

Беседовала Дарья КОРОБОВА

● *Вячеслав Латышев*

● *И его гитара*

Экран и сцена –